
Stefania Flame
Appropriation
ТВОЙ ВЕЧНЫЙ ХОЗЯИН
ПРИСВОЕНИЕ
18+

Стефания Флейм
Присвоение

https://litres.ru/74702828
SelfPub; 2026

Аннотация

— Нет! Никогда! Я лучше сдохну с голоду на улице, чем стану подстилкой для такого монстра, как ты! Убирайся в свой ад, Ро́ман! Я тебя ненавижу! Я жалею, что не дала тебе сдохнуть на том столе! Слышишь? Я жалею, что я тебя спасла!

Мои руки смыкаются на ее шее. Не для того, чтобы убить — пока нет. Но для того, чтобы показать ей истинное положение вещей.

— Почувствуй это, Алисия, — шепчу я, глядя, как она слабеет. — Твоя жизнь сейчас принадлежит мне. Каждая клетка твоего тела, каждый твой вдох — это мой дар тебе. Ты думала, что можешь сказать мне «нет»? Ты думала, что после того, как ты запустила руки в мое сердце, я когда-нибудь отпущу тебя?

Содержание

Глава 1. Алисия 6
Глава 2. Ро́ман 13
Глава 3. Алисия 17
Глава 4. Ро́ман 22
Глава 5. Алисия 27
Глава 6. Ро́ман 32
Глава 7. Алисия 37
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Присвоение

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ТРИГГЕРЫ

Серия «Твоя темная сторона» представляет собой цикл из 4 темных эротических новелл о разных героях.

Обсессия *— история Катерины и Демитрия*

Обсессия 2*— продолжение истории Катерины и Демитрия*

Преследование *— история Розы и Дерила*

Присвоение *— история Алисии и Ро́мана*

Это четвертая книга серии. Предыдущие истории («Обсессия», «Обсессия 2» и «Преследование») можно прочитать отдельно на Литрес.

!В отличие от полноразмерных романов, фокус повествования здесь смещен с сюжета на эротическую составляющую, разворачивающуюся в рамках определенной локации!

Пожалуйста, ознакомьтесь со списком триггеров и особенностей произведения перед прочтением:

- Динамика персонажей: она — хирург; он — босс мафии.

- Похищение.

- Описание убийств и пыток.

- Шантаж.

- Принуждение к пыткам.

- Упоминание крови и игр с ней.

- Тяжелый контент: присутствуют описания физического и психологического насилия, жестоких пыток, а также проявления болезненной, деструктивной одержимости.

- Сексуальный контекст: сцены содержат сомнительное согласие, элементы принуждения и откровенной «грязной» страсти.

Повествование отличается крайней откровенностью и может вызвать дискомфорт. Если подобная тематика для вас неприемлема, автор настоятельно рекомендует воздержаться от чтения.

Все сцены и формулировки адаптированы в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства РФ.

Строго 18+

Глава 1. Алисия

Запах больничного коридора в три часа ночи всегда одинаковый — смесь едкого хлора, дешевого кофе из автомата и того металлического привкуса страха, который источают люди, ожидающие плохих новостей. Но сегодня к этому букету добавляется запах гари и мокрого асфальта. За окнами приемного отделения бушует гроза, тяжелые капли бьют в стекла с такой силой, будто хотят ворваться внутрь, в стерильную белизну кафельных стен.

Я поправляю маску, чувствуя, как резинка нещадно натирает кожу за ушами. Моя смена длится уже четырнадцать часов. Глаза жжет от сухости, а спина превратилась в один сплошной очаг ноющей боли, но в нашем отделении жаловаться некому. Городская больница 4 никогда не спит. Особенно в такие ночи, когда криминальные районы решают свои споры с помощью свинца и пороха.

Я только что закончила зашивать рваную рану на бедре какого-то пьяного бедолаги, когда автоматические двери приемного покоя распахиваются с таким грохотом, что я невольно вздрагиваю. В стерильную зону врывается хаос.

— Хирурга! Срочно! Где этот чертов хирург?! — гремит голос, от которого вибрируют стекла в ординаторской.

В коридор влетает каталка, которую толкают двое мужчин в промокших до нитки черных плащах. Под их одеждой от-

четливо угадываются очертания оружия, но здесь, в приемном покое, на это принято закрывать глаза, если хочешь дожить до утра. На каталке — человек. Вернее, то, что от него осталось. Огромное, неподвижное тело, залитое кровью настолько густо, что невозможно разобрать черты лица.

— Что здесь происходит? — я выхожу им навстречу, на ходу натягивая новые перчатки. — В операционную его! Немедленно!

— Он умирает, доктор. Сделай что-нибудь, или эта больница станет братской могилой, — один из мужчин хватает меня за локоть.

Его пальцы, холодные и скользкие от крови, сжимают мою руку так, что хрустят суставы.

— Уберите руки, — чеканю я, глядя ему прямо в глаза. — Если вы хотите, чтобы он жил, дайте мне работать.

Меня не пугают угрозы. Когда каждый день видишь смерть, живые люди с их криками кажутся лишь досадным шумом. Мы влетаем в операционную 3. Лампы вспыхивают слепящим, хирургическим светом, вырывая из темноты детали. Пациент — мужчина лет тридцати пяти. Даже в бессознательном состоянии он выглядит пугающе. Мощная шея, широкие плечи, татуировки, покрывающие руки до самых кистей. И раны. Многочисленные пулевые отверстия. Живот, плечо, бедро... но самое страшное здесь.

Я смотрю на мониторы. Давление падает катастрофически: сорок на двадцать. Пульс — нитевидный, рваный.

— Давление падает! Мы его теряем! — кричит анестезиолог Хелен. — Алисия, у него тампонада! Сердце зажато кровью!

— Скальпель! — протягиваю руку, и холодная сталь мгновенно ложится в ладонь.

Времени на обкалывание и подготовку нет. Мы идем по протоколу экстренной торакотомии. Одним длинным, уверенным разрезом я вскрываю его грудную клетку по четвертому межреберью. Хруст ребер под расширителем — звук, к которому невозможно привыкнуть, но сейчас я его не слышу. Мир сузился до этого кровавого месива, которое мне нужно превратить в живой организм.

— Отсос! Быстрее! — командую я.

Крови так много, что она переливается через край разреза, пачкая мой халат и ботинки. Я погружаю руки внутрь, в это горячее, содрогающееся нутро. Перикард переполнен. Сердце Ро́мана — я краем уха слышала, как его называли те люди в коридоре — едва сокращается, сдавленное собственной кровью.

Я вскрываю околосердечную сумку, и фонтан темной, венозной крови брызжет мне прямо на маску. Я не моргаю. Я запускаю пальцы глубже. Я буквально чувствую его сердце в своих ладонях. Оно огромное, тяжелое, оно бьется судорожно, из последних сил борясь за право существовать.

— Нашла пулю, — шепчу я, ощущая кончиками пальцев инородное тело.

Она застряла в стенке левого желудочка. Одно неверное движение — и он захлебнется кровью в ту же секунду. Я работаю на чистом адреналине. Моми пальцы, покрытые слоем талька и его крови, медленно исследуют поврежденную ткань. Мне нужно вытащить этот кусок свинца, одновременно зажимая рану.

— Зажим! — выкрикиваю я.

Я чувствую, как его жизнь буквально пульсирует под моими ладонями. Это странное, интимное чувство — копаться в самом центре чужого бытия. Я не знаю, кто такой этот Ро́ман. Судя по ранам и свите — преступник, убийца, монстр. Но здесь, под моими руками, он просто хрупкая белковая материя, которая молит о спасении.

— Есть, — я извлекаю деформированную пулю. Она со звоном падает в металлический лоток. — Кровь! Еще два пакета первой отрицательной! Быстрее!

— Остановка! — голос Хелен звучит как удар хлыста. — На мониторе изолиния! Алисия, он ушел!

— Нет! Не сегодня! — я начинаю прямой массаж сердца.

Я сжимаю его сердце своими руками. Раз. Два. Три. Давай, Ро́ман, живи. Ты не можешь сдохнуть сейчас, когда я потратила на тебя столько сил. Мои плечи горят от напряжения, пот заливает глаза под очками, но я не останавливаюсь. Я буквально вкачиваю жизнь в его грудную клетку.

— Заряд двести! Разряд! — я отхожу, пока его тело выгибается дугой под действием тока.

Ничего. Только ровный, издевательский писк аппаратуры.

— Еще раз! Триста! Разряд!

Тело Ро́мана снова подпрыгивает на столе. Я смотрю на его лицо. Без маски оно кажется странно спокойным. Резкие черты, густые брови, шрам на переносице. В нем есть какая-то темная, первобытная красота, которая проступает даже сквозь пелену смерти.

— Пошел ритм! — Хелен выдыхает так громко, что я слышу это сквозь шум дождя. — Слабый, но пошел! Алисия, ты ведьма, ты его вернула.

Я чувствую, как дрожат мои колени. Но расслабляться нельзя — нужно шить. Я начинаю накладывать швы на миокард, работая тончайшей иглой. Каждое движение выверено до миллиметра. И в тот момент, когда я уже готовлюсь закрывать грудную клетку, происходит то, что не укладывается ни в один учебник по анестезиологии.

Мужчина, который должен быть в глубочайшем наркозе, чьи показатели едва вернулись к жизни, внезапно делает резкий, судорожный вдох. Его грудь вздымается под моими руками.

— Что за... — анестезиолог не успевает закончить фразу.

Его правая рука, свободная от капельницы, внезапно взлетает вверх. С поразительной, невероятной для умирающего силой, он хватает меня за запястье. Его пальцы, как каленые тиски, впиваются в мою кожу, разрывая тонкую латексную перчатку.

— Боже! — я вскрикиваю, дергаясь назад, но он держит мертвой хваткой.

Я смотрю на его лицо. Его глаза открыты. Зрачки расширены до предела, в них нет помутнения от лекарств. Там только яростный, черный огонь и осознанность, от которой у меня леденеет затылок. Он смотрит прямо на меня, сквозь хирургические очки, пронзая мою сущность своим взглядом.

Он притягивает мою руку ближе к своему лицу, игнорируя то, что из его вскрытой груди снова начинает хлестать кровь из-за дикого напряжения мышц. Мониторы сходят с ума, заливаясь тревожным писком, анестезиолог пытается вколоть релаксанты, но этот человек сильнее химии.

— Поклянись... — его голос звучит как хрип раненого зверя, клокочущий и нечеловеческий. — Поклянись, что не отдашь меня...

Я цепенею. В его взгляде — такая бездна власти и безумия, что воля парализуется мгновенно. Я чувствую, как под его пальцами хрустят мои кости, а латекс окончательно лопается, обнажая мою кожу, испачканную его же кровью.

— Клянусь! — выкрикиваю я от дикого испуга и боли. — Клянусь, я вас не отдам!

В ту же секунду его рука бессильно падает на операционный стол. Черный огонь в глазах гаснет, веки медленно закрываются, и он снова проваливается в тяжелое, мертвое забытье. Я стою, тяжело дыша, и смотрю на свои дрожащие

пальцы и наливающиеся багровым следы на запястье. Глава моей жизни, которую я знала, только что закончилась под писк реанимационного оборудования.

Глава 2. Ро́ман

Тьма не была пустой. Она была вязкой, тяжелой и пахла сырым железом. Я выплываю из этой бездны медленно, словно сквозь слой черного битума, и первое, что возвращается ко мне — это ощущение ее рук. Фантомное, сводящее с ума прикосновение тонких пальцев где-то там, внутри моей грудной клетки. Я все еще чувствую, как она касалась моего сердца. Ни одна женщина в мире не была так глубоко во мне, как эта девчонка со стальным скальпелем.

Я открываю глаза. Белый потолок бьет по зрачкам раскаленными иглами. Слишком ярко. Слишком стерильно. Писк монитора над ухом — ритмичный, назойливый — бесит меня больше, чем осознание того, что в меня всадили пять пуль. Я жив. Это единственное, что имеет значение. Я вырвал свою жизнь из лап костлявой старухи, но я сделал это не один.

В памяти вспыхивает ее лицо. Глаза за стеклами очков — испуганные, но решительные. Она пахла антисептиком и какой-то едва уловимой лавандой, которая пробивалась сквозь вонь моей собственной крови. Она клялась. Я заставил ее. Я помню хруст ее тонкого запястья в своем кулаке и тот первобытный ужас, который застыл в ее зрачках.

Я пытаюсь пошевелиться, и все тело мгновенно прошивает электрическим разрядом боли. Грудная клетка словно

стянута колючей проволокой. Я опускаю взгляд — бинты, трубки, капельницы. Я прикован к этой койке, как зверь к позорному столбу.

— Ро́ман Борисович, вы очнулись? — ко мне подскакивает какая-то медсестра. Она что-то лепечет, пытается поправить подушку, но я лишь слегка веду подбородком, и она замирает.

Мой взгляд — это приговор. Даже в полумертвом состоянии я могу заставить их дрожать.

— Тигра сюда, — хриплю я. Голос звучит так, будто я глотал битое стекло.

Через две минуты дверь палаты распахивается. Входит Тигр. Мой цепной пес, мой лучший ликвидатор. Он выглядит помятым — видимо, эта ночь далась его парням нелегко.

— Ро́м, ты как? Мы уже думали... — он осекается, видя, как я смотрю на него.

— Кто она? — я не трачу время на приветствия. Боль в груди пульсирует в такт моему вопросу.

— Врач? — Тигр понимает мгновенно. — Серебрякова Алиса Сергеевна. Хирург-кардиолог. Работает здесь второй год. Чистая анкета, никаких связей с нашими.

— Мне не нужна анкета, — я делаю вдох, и каждое ребро протестует против этого действия. — Мне нужно все. Достань мне на нее полное досье. К вечеру.

— Ро́м, может, сначала...

— К вечеру, Тигр, — я чеканю слова, игнорируя вспышки

боли. — Я хочу знать, с кем она спит, что она ест на завтрак и какую музыку слушает, когда думает, что ее никто не слышит. Мне нужно знать марку ее зубной пасты, адрес ее матери и цвет ее белья. Мне нужен ее график менструации, чтобы я знал, когда она становится особенно уязвимой. Я хочу знать о ней больше, чем знает она сама. Понял меня?

Тигр кивает. Он знает, что если у меня появляется цель, я не успокоюсь, пока не сожру ее целиком.

— Она спасла тебя, Ро́м. Парни говорят, она буквально сердце твое в руках держала.

— Именно, — я закрываю глаза, и губы невольно кривятся в подобии усмешки. — Она залезла ко мне внутрь. Она видела то, что не видел никто. Она коснулась того, что я не доверял никому.

Она думает, что просто выполнила свою работу. Она думает, что ее клятва — это всего лишь способ успокоить умирающего психа. Глупая девочка. Она еще не поняла, что в ту секунду, когда ее пальцы сжали мой миокард, она подписала себе контракт.

Я чувствую, как гнев и азарт вытесняют слабость. Она спасла мое тело? Что ж, это была ее лучшая и худшая ошибка. Теперь это тело принадлежит ей, но ее жизнь... ее жизнь теперь принадлежит мне. Я заберу ее по кусочкам. Я окружу ее так, что она будет дышать только моим именем. Я стану ее воздухом, ее кошмаром и ее единственным спасением.

Я снова чувствую то фантомное прикосновение. Ее кожа

была такой нежной под моими окровавленными пальцами. Я сломаю ее стержень, я выжгу ее принципы. Она будет смотреть на меня так же, как в операционной — с ужасом и обожанием одновременно.

— Алиса... — шепчу я в пустой палате, когда Тигр уходит.

Это имя теперь на вкус как дорогое вино и свежая кровь. Она еще спит в своей квартире, не подозревая, что ее мир уже рухнул. Она еще думает, что она свободна. Она ошибается. Моя одержимость уже начала свой отсчет.

Я заберу ее жизнь. Всю, до последнего вздоха. Потому что никто не прикасается к моему сердцу безнаказанно.

Глава 3. Алисия

Прошла ровно неделя с той кровавой ночи, которая теперь кажется мне то ли затянувшимся кошмаром, то ли бредом от хронического недосыпа. Семь дней я не живу, а существую, вздрагивая от каждого хлопка двери в больничном коридоре. Тот пациент, Ро́ман, выжил — вопреки всем медицинским прогнозам и законам здравого смысла. Его перевели из реанимации в закрытый бокс, охраняемый людьми, при виде которых даже наши суровые охранники на входе предпочитают смотреть в пол. Я не заходила к нему. Я передала его ведение завотделением, сославшись на стресс, и старалась обходить то крыло по самой широкой дуге. Но следы его пальцев на моем запястье до сих пор не сошли — они пожелтели, налились болезненной зеленью, напоминая о клятве, которую я выдохнула в полумраке операционной.

Сегодня у меня первый полноценный выходной. Я возвращаюсь домой, чувствуя себя выжатым лимоном. Ключ привычно поворачивается в замке — два оборота, мягкий щелчок. В прихожей пахнет моим привычным парфюмом и немного пылью. Я закрываю дверь, прислоняюсь к ней спиной и закрываю глаза, наконец-то выдыхая. Здесь мой мир. Здесь безопасно. Здесь нет запаха крови, писка мониторов и тяжелых взглядов криминальных авторитетов.

Я прохожу на кухню, чтобы поставить чайник, и замираю

на пороге.

На столе стоит ваза с фруктами. Я точно помню, что оставляла в ней пару увядших яблок, которые собиралась выбросить. Теперь же она доверху наполнена идеально спелыми, глянцевыми плодами, от которых исходит приторно-сладкий аромат. Но пугает не это.

Я перевожу взгляд на полку с кулинарными книгами и пособиями по кардиохирургии. Я — перфекционист до мозга костей. Мои книги всегда стоят в строгом алфавитном порядке, корешок к корешку. Сейчас же они переставлены. «Атлас анатомии» теперь соседствует с томиком стихов Ахматовой, который я не открывала со школы. Кто-то касался их. Кто-то проводил пальцами по этим обложкам, намеренно нарушая мой выверенный годами порядок.

— Это просто паранойя, Алиса. Ты просто переутомилась, — шепчу я себе, чувствуя, как внутри нарастает липкий, холодный страх.

Я медленно иду в спальню, и каждый шаг дается мне с трудом, будто я иду по болоту. Дверь приоткрыта. Я распахиваю ее и чувствую, как воздух застревает в легких.

На моей аккуратно заправленной кровати лежит халат. Тот самый белый махровый халат, который я оставила в корзине для грязного белья перед уходом на смену. Он идеально выстиран, отпарен и разложен на покрывале так, словно его приготовили для меня. Он пахнет не моим порошком. От него исходит едва уловимый, тяжелый аромат дорогого

табака и мужского парфюма — терпкий, древесный, удушающий.

Этот запах я узнаю из тысячи. Он был там, в операционной.

Я срываю халат с кровати, сминая его в руках, и из него выпадает маленькая записка. Короткая фраза, написанная размашистым, властным почерком: «Я всегда держу свои обещания, врач».

Трясущимися пальцами я набираю номер полиции. Я жду их сорок минут, забившись в угол дивана и сжимая в руках кухонный нож. Мне кажется, что из каждого угла на меня смотрят черные глаза Ро́мана. Когда в дверь наконец звонят, я едва не вскрикиваю.

Двое патрульных лениво проходят в комнату. Один из них, пухлый мужчина с засаленными усами, оглядывает мою идеально чистую квартиру и криво усмехается.

— Ну и где грабители, гражданка Серебрякова? Следов взлома нет. Замки целы. Вещи на месте, — он заглядывает в вазу с фруктами и без спроса берет крупную виноградину. — Фрукты вам принесли? Хорошие фрукты, дорогие. На что жалуемся?

— Вы не понимаете! — я почти кричу, показывая на книги и халат. — Кто-то был здесь! Они переставили мои вещи! Они постирали мою одежду! Это... это преследование! Это тот человек из больницы, Басаев!

Патрульные переглядываются, и второй, помоложе, от-

кровенно прыскает в кулак.

— Басаев? Ро́ман Борисович? Девушка, вы телевизора пересмотрели? — старший полицейский вытирает пальцы о брюки. — Такой человек, если захочет, купит этот дом вместе с вами и нами. Зачем ему лезть к вам в квартиру, чтобы книжки переставлять? Может, у вас ухажер тайный объявился? Ключи у кого еще есть? У бывшего? У мамы?

— Ни у кого нет ключей! Я живу одна! — я чувствую, как по щекам текут слезы бессилия.

— Послушайте, доктор, — пухлый подходит ко мне почти вплотную, и я чувствую запах табака и пота. — У нас на районе три убийства за ночь и грабеж со взломом. А вы вызываете наряд, потому что вам халат постирали? Это не преступление, это сервис. Может, вам просто нужно попить успокоительное? Работа у вас нервная, мы понимаем. Но в следующий раз за ложный вызов штраф выпишем.

Они уходят, посмеиваясь и обсуждая мою «женскую истерию». Я слышу, как их шаги затихают в подъезде. Тишина квартиры теперь кажется мне не защитой, а западней.

Я смотрю на халат, брошенный на пол. Это не сервис. Это метка. Он показал мне, что мои стены для него — стекло. Что он может войти в мою святыню, коснуться моих личных вещей, почувствовать мой запах, пока я спасаю жизни других. Он не просто следит за мной. Он пометил территорию.

Я подхожу к зеркалу и вижу в нем свое отражение — бледная, с темными кругами под глазами и дрожащими губами.

И в этот момент я понимаю: полиция мне не поможет. Никто не поможет. Клятва, которую я дала, была не просьбой о спасении. Это был договор о передаче прав собственности. И Ро́ман Басаев только что пришел за своим первым взносом.

Глава 4. Ро́ман

Полумрак моего кабинета разрезает синее мерцание мониторов. Это мой личный храм, мой командный пункт, откуда я управляю жизнями, даже не вставая из-за стола. Боль в груди все еще напоминает о себе тягучим, ноющим чувством, но она лишь подстегивает мою жажду контроля. Я сижу в глубоком кожаном кресле, прижимая к губам стакан с ледяным виски, и не отрываю взгляда от центрального экрана.

На нем — Алисия. Мой маленький, храбрый доктор. Мой ангел со скальпелем.

Камеры, которые мои люди установили в ее квартире и рабочем кабинете, работают идеально. Картинка сверхчеткая. Я вижу, как она ходит по своей гостиной, как нервно поправляет прядь волос, как замирает у полки с книгами, которую я велел немного «подправить». Она напугана. Я чувствую этот страх через экран, я впитываю его, как наркотик. Ее движения стали резкими, дергаными, она постоянно оглядывается на окна, хотя живет достаточно высоко. Глупая девочка. Она ищет меня на улице, не подозревая, что я уже здесь, внутри ее личного пространства. Я смотрю, как она пьет воду, как горло ее судорожно сжимается, и представляю, как мои пальцы обхватывают это тонкое горлышко. Только на этот раз не для того, чтобы напугать, а чтобы заставить ее полно-

стью подчиниться моей воле.

Вибрация телефона на столе заставляет меня отвлечься. На экране высвечивается номер Тигра. Я принимаю вызов, не отводя глаз от Алисии. На мониторе она как раз садится на диван, обхватив колени руками. Такая хрупкая. Такая беззащитная перед тем, что сейчас произойдет.

— Слушаю, — коротко бросаю я в трубку.

— Ро́ман Борисович, отчет по объекту «Жених», — голос Тигра звучит буднично, как будто он докладывает о закупке щебня. — Все прошло по плану. Трасса М-4, тридцать второй километр. Грузовик не справился с управлением на мокром покрытии. Лобовое. Парня вырезали из салона сорок минут.

Я делаю глоток виски. Холодная жидкость обжигает горло.

— Итог? — сухо спрашиваю я.

— Живой. Но ходить не будет. Множественные переломы позвоночника, разрыв спинного мозга. Врачи говорят — полный паралич тела и разума. Офощ до конца своих дней. Чистый несчастный случай, экспертиза подтвердит неисправность тормозов у фуры.

— Хорошо, — я отключаю вызов.

В моей душе нет ни грамма жалости. Этот сопляк, этот никчемный терапевт из ее же больницы, был мусором под моими ногами. Он смел касаться ее рук, смел целовать ее губы, смел строить планы на будущее с женщиной, которая

спасла мою жизнь. Он был лишним элементом в уравнении, где есть только я и Алисия. Теперь он не конкурент. Теперь он просто кусок мяса, который будет напоминать ей о том, как хрупка человеческая жизнь.

Я снова сосредотачиваюсь на мониторе. Картинка сменяется — теперь это камера в ее ординаторской. Алиса зашла туда пять минут назад. Она переодевается в белый халат, ее движения механические, безжизненные. Она еще не знает.

В дверь ее кабинета заходит заведующий отделением. Камера передает только изображение, звука нет, но мне он и не нужен. Я умею читать по лицам. Старик выглядит подавленным, он медленно подходит к ней, кладет руку на ее плечо.

Я подаюсь вперед, впиваясь пальцами в подлокотники кресла. Вот оно.

Алисия замирает. Она смотрит на заведующего, ее глаза расширяются. Я вижу, как она задает какой-то вопрос, как шевелятся ее бледные губы. Старик что-то говорит, качает головой. И в этот момент ее лицо искажается.

Это не просто гримаса, это квинтэссенция боли. Она отшатывается от него, ее рука взлетает к губам, пытаясь заглушить беззвучный крик. Она медленно оседает на пол, ее ноги подкашиваются, и она буквально рушится на колени прямо посреди кабинета. Заведующий пытается ее подхватить, но она отталкивает его, ее тело содрогается в рыданиях.

Я смотрю на это зрелище с каким-то извращенным восторгом. Она разрывается от боли. Она ломается у меня на

глазах. Ее плечи мелко дрожат, она бьет кулаком по кафелю, ее лицо залито слезами. Без звука это выглядит еще более жутко — немое кино о крушении целого мира.

Я чувствую, как в паху начинает пульсировать кровь. Это власть. Абсолютная, божественная власть над другим человеком. Я лишил ее опоры, я вырвал из ее сердца этого щенка, и теперь в этом сердце осталась только зияющая рана. Рана, которую зашить смогу только я.

Она плачет, уткнувшись лицом в ладони, ее тонкие пальцы запутываются в волосах. Я хочу протянуть руку сквозь экран, коснуться ее, сказать, что это только начало. Я хочу, чтобы она выстрадала все свое прошлое, чтобы к тому моменту, когда я приду за ней, в ней не осталось ничего, кроме потребности в моей защите.

— Плачь, моя маленькая, — шепчу я, прислоняясь лбом к холодному стеклу монитора. — Смывай его из своей памяти. Теперь тебе не о ком заботиться, кроме меня. Теперь ты будешь лечить только меня.

На экране она поднимает голову, ее взгляд расфокусирован, она смотрит прямо в объектив камеры, спрятанной в датчике пожарной сигнализации, но не видит его. Она смотрит в пустоту. Она раздавлена. Она уничтожена.

Я выключаю мониторы. Тьма кабинета снова становится абсолютной. Я откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза. Перед глазами все еще стоит ее лицо, искаженное горем. Она спасла мое тело, вытащив пулю. Теперь я заберу

ее жизнь, вытащив из нее всех, кто ей дорог. Это честный обмен.

Она думает, что этот несчастный случай — злой рок. Она скоро поймет, что ее единственный рок — это я. И от этого рока нет спасения, нет обезболивающего, нет операции, которая могла бы его вырезать.

Я заставлю ее полюбить этот страх. Я заставлю ее искать моего присутствия, как единственного лекарства от той боли, которую я сам ей причинил. Ее жизнь теперь принадлежит мне целиком — до последнего вздоха, до последней слезинки, которую я соберу с ее щеки.

Одержимость — это не болезнь. Это форма владения. И Алисия Серебрякова — моя самая ценная собственность.

Глава 5. Алисия

Мир вокруг меня не просто рушится — он рассыпается в мелкую, острую крошку, которая впивается в легкие при каждом вдохе. Я иду по коридору частной клиники «Элит-Мед», куда устроилась всего неделю назад, сразу после того, как меня без объяснения причин вышвырнули из государственной четвертой больницы. Тогда это казалось странным недоразумением, бюрократической ошибкой, но сегодня я понимаю: это травля. Планомерная, безжалостная зачистка пространства вокруг меня.

В руках я сжимаю картонную коробку со своими вещами: стетоскоп, пара медицинских справочников, кружка с надписью «Лучший кардиолог» — подарок от бывших коллег, который теперь выглядит как горькая насмешка.

— Извините, Алисия Сергеевна, распоряжение руководства. Мы не можем продолжать сотрудничество, — эти слова главврача до сих пор звенят у меня в ушах ледяным набатом.

— Но почему? У меня безупречные рекомендации! Я провела три сложнейших операции за эти семь дней! — я пыталась бороться, мой голос дрожал от негодования.

Он даже не поднял на меня глаз. Просто смотрел в стол, нервно перебирая бумаги.

— Нам не нужны проблемы. Просто... уйдите по-хорошему.

Проблемы. Каждое это слово звучит как приговор. Я выхожу на улицу, и ледяной осенний дождь мгновенно пропитывает мой тонкий плащ. Мне некуда идти. У меня нет работы, мои счета заблокированы из-за какой-то «технической ошибки» банка, а моя квартира больше не кажется крепостью. Но все это — лишь декорации к главной трагедии, которая выжгла меня изнутри.

Стас умер.

Три дня назад его сердце, которое я так надеялась спасти, остановилось в реанимации. Тот «несчастный случай» на трассе оказался смертельным. Врачи говорили, что он останется инвалидом, но он даже не дожил до этого приговора. Его не стало ночью, когда я была на смене. Я не успела попрощаться. Я не успела сказать ему, как сильно я...

Я не могу даже произнести это слово. Внутри меня выжженная пустыня. Я иду к остановке, едва передвигая ноги. Мои кроссовки промокли насквозь, коробка в руках размокает, и я чувствую, как дно вот-вот провалится. Стаса больше нет. Человека, который был моим светом, моей тихой гаванью, раздавила многотонная фура, а потом добила внезапная эмболия.

Я добираюсь до дома в каком-то полузабытьи. Подъезд встречает меня привычным запахом сырости. Я поднимаюсь на свой этаж, пальцы дрожат, когда я пытаюсь попасть ключом в замочную скважину. Два оборота. Щелчок.

В квартире темно и холодно. Я не зажигаю свет. Я про-

сто роняю коробку в прихожей — вещи с глухим стуком рассыпаются по полу, но мне плевать. Я прохожу в гостиную и оседаю на пол у дивана, обхватив колени руками. Темнота давит на меня, она шепчет о том, что я осталась совсем одна. Без работы, без любимого человека, под прицелом чьего-то невидимого и пугающего внимания.

Тени в углах комнаты кажутся мне живыми. Я вспоминаю ту записку на выстиранном халате. «Я всегда держу свои обещания».

Это он. Я знаю это каждой клеткой своего тела. Ро́ман Басаев. Человек, которому я спасла жизнь, решил забрать мою. Он убрал Стаса, он лишил меня средств к существованию, он окружает меня невидимыми стенами, сужая пространство до размеров одной комнаты. Страх, который я подавляла все это время, прорывается наружу ледяной волной. Я начинаю мелко дрожать, задыхаясь от осознания собственного бессилия.

Сколько я так сижу? Час? Два? Время потеряло смысл. Гроза за окном возобновляется с новой силой, молнии вспарывают черное небо, на мгновение освещая мою пустую, холодную квартиру.

Внезапно в тишине раздается звук, от которого мое сердце пропускает удар.

Звонок в дверь.

Я замираю, боясь даже вздохнуть. Я никого не жду. У меня больше никого нет. Друзья перестали звонить, мама да-

леко, а Стас... Стас в морге.

Звонок повторяется. Настойчивый, властный, не терпящий отказа. Затем — тихий, но отчетливый звук проворачиваемого в замке ключа. Моего замка.

Я вскакиваю с пола, пятясь вглубь комнаты, пока не упираюсь спиной в холодное стекло окна. Дверь в прихожую медленно открывается. В полосе света из подъезда я вижу массивный мужской силуэт. Он входит уверенно, по-хозяйски, не спрашивая разрешения. Слышен мягкий щелчок закрываемого замка.

Тяжелые шаги по паркету. Он не спешит. Он наслаждается моим ужасом, который я не могу скрыть. В воздухе мгновенно распространяется тот самый запах: дорогой табак, мокрый асфальт и терпкий древесный парфюм.

Он останавливается на пороге гостиной. Очередная вспышка молнии заливает комнату белым светом, и я вижу его.

Ро́ман Басаев.

Он стоит в своем безупречном черном пальто, на котором блестят капли дождя. Его лицо — маска из холодного камня, но в черных глазах, устремленных на меня, горит торжествующее пламя. Он выглядит здоровым, сильным, пугающе живым по сравнению с тем куском окровавленного мяса, который я зашивала на операционном столе.

— Добрый вечер, Алисия, — его голос низкий, бархатистый, пробирающий до костей. — Ты выглядишь бледной.

Тебе нужна помощь.

Я смотрю на него, не в силах вымолвить ни слова. Мой «благодетель», мой мучитель, мой единственный оставшийся в этом мире кошмар стоит передо мной. И я понимаю, что эта ночь никогда не закончится.

Глава 6. Ро́ман

Она стоит у окна, прижавшись спиной к стеклу так сильно, будто хочет слиться с ним или пройти сквозь него. Вспышка молнии выхватывает ее силуэт из темноты — тонкая, дрожащая, со спутанными волосами. Мой маленький доктор. Мой ангел, растерявший все свои перья в той мясорубке, которую я устроил вокруг нее за последнюю неделю.

Я не зажигаю свет. Полумрак — моя стихия, и в нем я вижу гораздо больше, чем обычные люди. Я вижу, как бешено бьется жилка на ее шее. Я слышу ее рваное, поверхностное дыхание. Она пахнет дождем и безысходностью. Тот самый аромат, который я ждал.

Я медленно снимаю пальто, бросая его на кресло, и делаю шаг вперед. Скрип паркета под моими ботинками звучит в тишине как выстрел. Алисия вздрагивает, ее пальцы впиваются в подоконник так, что белеют костяшки. Она напугана до смерти, и это возбуждает меня сильнее, чем любой наркотик.

— Уходи... — шепчет она. Голос сорван, в нем нет былой уверенности хирурга, который командовал в операционной. — Как ты вошел? Убирайся, или я закричу.

Я усмехаюсь. Тихий, сухой звук тонет в раскате грома.

— Кричи, Алисия. Если думаешь, что в этом доме остался хоть кто-то, кто рискнет прийти тебе на помощь. Твои соседи

— тихие люди. Они знают, когда нужно плотно закрывать шторы и делать телевизор погромче.

Я сокращаю расстояние между нами, пока не оказываюсь в шаге от нее. Я чувствую жар, исходящий от ее тела, несмотря на то, что она промокла до нитки. Я протягиваю руку и провожу тыльной стороной ладони по ее щеке. Кожа ледяная.

— Посмотри, во что ты превратилась, — мой голос звучит вкрадчиво, почти нежно. — У тебя нет работы. Твои счета пусты. Твой... — я делаю паузу, наслаждаясь тем, как она сжимается при упоминании покойника, — твой жених остывает в морге. Ты одна, Алисия. Совсем одна в этом холодном, жестоком городе.

Она пытается оттолкнуть мою руку, но я перехватываю ее запястье. То самое, где еще видны следы моих пальцев с той ночи. Я сжимаю его, напоминая о нашей связи.

— Что тебе нужно от меня? — она поднимает голову, и в ее глазах сквозь слезы вспыхивает остаток былой гордости. — Ты все разрушил! Ты убил его! Ты лишил меня всего! Зачем ты здесь?

— Я здесь, чтобы спасти тебя, — я наклоняюсь к ее уху, вдыхая запах лавандового мыла и ее страха. — Я предлагаю тебе сделку, Алисия. Я решу все твои проблемы за один вечер. Твои счета будут полными. Тебя пригласят в лучшую клинику страны на должность, о которой ты не смела мечтать. Твоей матери оплатят лучшее лечение в Европе. Я со-

тру твою боль, как пыль со стола.

Я чувствую, как она замирает. Она слушает. Моя наживка всегда безупречна.

— И что ты хочешь взамен? — шепчет она.

— Пустяк, — я провожу большим пальцем по ее нижней губе. — Твое абсолютное присутствие в моей жизни. Ты будешь рядом, когда я этого захочу. Ты будешь лечить меня, спать со мной, принадлежать мне целиком — от этих прекрасных глаз до кончиков пальцев. Ты станешь моей личной собственностью, Алисия. Взамен я дам тебе мир.

Она молчит несколько секунд, и я уже готов услышать ее капитуляцию. Но вдруг она резко вырывает руку и толкает меня в грудь — прямо туда, где под бинтами еще ноет свежий шрам.

— Нет! — выкрикивает она, и в ее голосе звучит дикое, отчаянное отвращение. — Никогда! Я лучше сдохну с голоду на этой улице, чем стану подстилкой для такого монстра, как ты! Убирайся в свой ад, Ро́ман! Я тебя ненавижу! Я жалею, что не дала тебе сдохнуть на том столе! Слышишь? Я жалею, что я тебя спасла!

Я замираю. Эти слова... они бьют сильнее пули. Жалеет, что спасла?

Внутри меня вскипает ледяная, черная ярость. Она смеет бросать мне вызов? Мне, человеку, который держит ее жизнь на кончике мизинца? Она думает, что у нее есть выбор? Глупая, наивная девчонка.

Я двигаюсь быстрее, чем она успевает вскрикнуть. Мои руки смыкаются на ее шее. Не для того, чтобы убить — пока нет. Но для того, чтобы показать ей истинное положение вещей.

Я прижимаю ее к оконному стеклу, чувствуя, как оно прогибается под нашим общим весом. Мои ладони полностью обхватывают ее горло. Она такая хрупкая, ее кости кажутся мне тонкими веточками, которые я могу переломить одним движением.

— Ненавидишь? — я рычу ей прямо в лицо, глядя в расширенные от ужаса зрачки. — Жалеешь, что спасла?

Я сжимаю пальцы чуть сильнее, перекрывая ей доступ к воздуху. Она судорожно открывает рот, ее руки вцепляются в мои предплечья, пытаясь оторвать мои ладони, но это все равно что пытаться сдвинуть гору. Она бьется в моих руках, ее лицо начинает краснеть, а глаза наполняются настоящим, первобытным страхом смерти.

— Почувствуй это, Алисия, — шепчу я, глядя, как она слабеет. — Твоя жизнь сейчас принадлежит мне. Каждая клетка твоего тела, каждый твой вдох — это мой дар тебе. Ты думала, что можешь сказать мне «нет»? Ты думала, что после того, как ты запустила руки в мое сердце, я когда-нибудь отпущу тебя?

Я чувствую, как она обмякает, как ее сопротивление превращается в судорожные попытки просто вдохнуть. Я ослабляю хватку лишь настолько, чтобы она не потеряла сознание,

но продолжаю держать ее шею в своих стальных тисках.

— Твое «нет» ничего не значит, — я вжимаюсь своим телом в ее тело, чувствуя, как она дрожит под моими руками. — Ты моя. По праву спасения. По праву силы. По праву того, что я так решил. Ты будешь умолять меня об этой сделке, Алисия. Ты приползешь ко мне сама, когда поймешь, что за пределами этой комнаты для тебя больше нет воздуха.

Я резко отпускаю ее. Она сползает по стеклу на пол, хватаясь за горло и заходясь в хриплом, мучительном кашле. Она жадно глотает воздух, ее плечи содрогаются от рыданий, но я больше не чувствую к ней жалости. Только холодную, расчетливую одержимость.

Я подбираю свое пальто и направляюсь к выходу. Остановившись в дверях, я оборачиваюсь. Она сидит на полу, маленькая, раздавленная фигурка в свете очередной молнии. На ее белой шее уже начинают проступать отчетливые багровые следы моих пальцев. Моя метка. Моя подпись.

— Подумай еще раз, доктор, — бросаю я через плечо. — Завтра будет еще хуже. А послезавтра ты сама откроешь мне дверь.

Я выхожу из квартиры, аккуратно прикрывая дверь. В моих ушах все еще звучит ее надрывный кашель. Одержимость — это не всегда нежность. Чаще это боль, которую нужно причинить, чтобы объект твоей страсти понял: спасения нет.

Она будет моей. Целиком. И она научится любить мои руки на своей шее.

Глава 7. Алисия

Холодный пот течет между лопаток, пропитывая дешевую футболку, которую я купила на вокзале, чтобы сменить свой привычный гардероб. Я стою в очереди на регистрацию в международном аэропорту, сжимая в руках загранпаспорт так сильно, что картон обложки начинает гнуться. Мое лицо скрыто под козырьком бейсболки и широкими стеклами очков, хотя здесь, в этом стерильном царстве металла и стекла, я чувствую себя так, словно на мне горит неоновая вывеска с надписью «Беглянка».

Прошло два дня с того момента, как Ро́ман оставил багровые следы на моей шее. Два дня я не выходила из дома, вздрагивая от каждого шороха в подъезде, пока не поняла: он не блефовал. Он перекрыл мне кислород во всем городе. Мой телефон замолчал, счета превратились в бесполезные цифры, а в продуктовом магазине за углом мне отказали в обслуживании, заявив, что «терминал не работает именно для этой карты». Он выживает меня из собственной жизни, загоняя в угол, как загнанного зверя.

Билет до Тбилиси в один конец я купила за наличные, которые годами откладывала «на черный день». Этот день настал. Он черный, как зрачки Басаева.

— Ваш паспорт, — чеканит сотрудница за стойкой.

Я протягиваю документ, стараясь, чтобы мои пальцы не

дрожали. Сердце колотит в ребра с такой силой, что мне кажется, его стук слышен всем в радиусе десяти метров. Она сканирует паспорт. Секунды тянутся как вечность. Писк системы кажется мне сигналом тревоги.

— Приятного полета, Алисия Сергеевна, — она улыбается дежурной улыбкой и возвращает мне документ.

Я забираю его и быстро ухожу в сторону зоны досмотра. Неужели получилось? Неужели его власть заканчивается у этих турникетов? Я прохожу контроль, снимаю обувь, стою в сканере, чувствуя себя абсолютно голой перед лицом этой системы. И вот я в «стерильной зоне». Гул Duty Free, запах дорогого парфюма и кофе. Я почти верю, что спасена.

Я сажусь у гейта, стараясь не привлекать внимания. До посадки пятнадцать минут. Я смотрю в панорамное окно на взлетную полосу, где огромные стальные птицы уносят людей в нормальную, безопасную жизнь. Жизнь, где никто не врывается в твою спальню и не сжимает твое горло.

— Алисия Сергеевна, — раздается тихий, вкрадчивый голос прямо над моим ухом.

Я каменею. Этот голос не принадлежит Ро́ману, но в нем слышится та же ледяная уверенность. Я медленно поворачиваю голову. Рядом со мной сидит мужчина в неприметном сером костюме. Тигр. Тот самый, что угрожал мне в больнице. Он смотрит на меня почти с жалостью, и в его руке я вижу мой паспорт.

— Как?.. — срывается с моих губ. Я судорожно хлопаю

по карману сумки. Пусто. Он вытащил его незаметно, пока я шла сквозь толпу.

— Ро́ман Борисович очень расстроился, когда узнал, что вы решили сменить климат без его совета, — Тигр наклоняется ближе, и я чувствую запах мятной жвачки. — Вставайте. Спокойно. Без криков. Здесь кругом наши люди. Если вы откроете рот, пострадает та милая девушка на регистрации, которая пропустила вас по «ошибке». Или вон тот ребенок у фонтана. Ро́ман не любит, когда его приказы нарушают.

Я смотрю на него, и мир вокруг начинает плыть. Толпа туристов, яркие витрины — все это становится декорацией к моей казни. Я встаю. Ноги ватные, я едва чувствую пол под собой. Тигр берет меня под локоть — крепко, до синяков, — и ведет не к выходу на посадку, а к служебной двери.

Нас никто не останавливает. Сотрудники безопасности отводят глаза. Мы выходим на техническую парковку, где стоит черный тонированный внедорожник. Дверь распахивается, меня грубо заталкивают внутрь. На заднем сиденье пусто, но в машине стоит тот самый запах — табак и дерево. Его запах.

— Куда вы меня везете? — я пытаюсь биться в стекло, но двери заблокированы. — В полицию? Везите меня в полицию!

— В полиции вас уже похоронили, Алисия Сергеевна, — бросает Тигр с переднего сиденья. — Для мира вы улетели в Тбилиси и пропали где-то в горах.

Машина несется по ночному шоссе. Я не знаю, сколько проходит времени — час, два или вечность. Городские огни сменяются глухим лесом, а затем мы въезжаем на территорию какого-то заброшенного промышленного объекта. Колючая проволока, ржавые ангары, тени охранников с собаками.

Машина останавливается у невзрачного бетонного строения. Меня вытаскивают наружу. Холодный воздух обжигает легкие, пропитанные страхом.

— Иди, — меня толкают в спину, направляя к лестнице, уходящей под землю.

Мы спускаемся глубоко. Запах меняется. Здесь пахнет сырой землей, плесенью и чем-то сладковато-гнилостным, от чего желудок сжимается в спазме. Здесь нет евроремонта и золотых клеток. Здесь подземелье, которое помнит боль многих поколений.

Тигр открывает тяжелую железную дверь. Внутри — маленькое помещение с бетонными стенами. С потолка капает вода, собираясь в грязные лужи на неровном полу. Единственный источник света — голая лампочка, мигающая под потолком, как умирающее сердце. В углу — старый матрас, покрытый пятнами неизвестного происхождения, и ведро.

— Это... это что? — я оборачиваюсь, пытаясь выбежать, но Тигр преграждает путь.

— Это твой новый дом на ближайшее время, — раздается голос из темноты коридора.

Из тени выходит Ро́ман. Он снял пиджак, рукава его белоснежной рубашки закатаны до локтей, обнажая мощные предплечья, покрытые татуировками. В этом подвале он выглядит как истинный хозяин преисподней. Он подходит ко мне, и я вжимаюсь в холодную, склизкую стену.

— Я же предупреждал тебя, Алисия, — он говорит тихо, почти ласково, но от этого тона мне хочется содрать с себя кожу. — Я предлагал тебе сделку. Ты предпочла бежать. Теперь условия изменились.

Он хватает меня за подбородок, заставляя смотреть в свои бездонные глаза. Его пальцы пахнут оружейным маслом.

— Это твой первый урок подчинения, — он толкает меня, и я падаю на колени прямо в грязную лужу. Холодная жижа пропитывает мои джинсы. — Ты будешь сидеть здесь, в этой сырости и темноте. Ты будешь есть то, что я дам, и спать тогда, когда я позволю. Ты будешь слушать, как крысы скребутся за стеной, и думать о том, как хорошо было бы сейчас оказаться в моей постели.

— Ты чудовище... — хриплю я, пытаясь подняться, но он наступает тяжелым ботинком на край моей футболки, прижимая к земле.

— Я твой Бог, Алисия. Я вытащил тебя из самолета, я вычеркнул тебя из списков живых. Здесь нет хирурга Серебряковой. Здесь есть только вещь, которая принадлежит мне.

Он наклоняется, хватая меня за волосы и задирая мою голову вверх. Его лицо в сантиметре от моего. Я вижу каждую

пору на его коже, вижу холодный блеск его зубов.

— Ты хотела грязи? Ты ее получила. Когда ты начнешь умолять меня забрать тебя отсюда, когда ты оближешь мои сапоги за глоток чистой воды — тогда мы поговорим о твоем присутствии в моей жизни. А пока... наслаждайся одиночеством.

Он резко отпускает меня, и я снова бьюсь коленями о бетон. Ро́ман разворачивается и выходит. Тяжелая дверь закрывается с оглушительным лязгом. Я слышу, как поворачивается ключ в замке — раз, другой.

Т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.